

Leyla Zakiyeva

Далеко от тайны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Leyla Zakiyeva

Далеко от тайны

«Автор»

2026

Zakiyeva L.

Далеко от тайны / L. Zakiyeva — «Автор», 2026

«Ты хочешь знать, что случилось? Я семь лет целовал руку дьяволу, чтобы он не задушил ангела. Я смотрел в лицо женщины, которую любил, и видел в ней гиену. Я воровал у смерти каждый день, а мой лучший друг в это время проклинал меня, считая Иудой. Ты говоришь про нож в спину? Я сам всадил этот нож во всех, кто мне дорог, чтобы они остались дышать. И теперь, когда всё закончилось, я не знаю, кто я. Я — пустое место между той ложью и этой правдой».

© Zakiyeva L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Далеко от тайны

ОТ АВТОРА

Эта книга — не просто плод воображения. Она родилась на пыльных дорогах, в шуме старого автобуса и в тех самых пяти последних билетах до Набрани, которые когда-то стали для меня реальностью.

Многие спрашивают, как создаются персонажи. Для меня этот процесс стал почти мистическим. Я выбирала имена случайно, повинаясь интуиции, но позже жизнь начала подбрасывать мне встречи с людьми, которые носят те же имена и обладают теми же черта характера, что и герои моей истории. Иногда мне кажется, что я не выдумывала Нурай, а просто почувствовала её присутствие где-то рядом.

В этом триллере много правды. Цветы на обочине, маршруты, предчувствия — всё это частички моей собственной жизни, вплетенные в канву сюжета. Для кого-то это будет история о преступлении и масках, но для меня это — карта памяти.

Я приглашаю вас пройти по этой дороге вместе со мной. Но помните: за каждым поворотом может скрываться то, к чему вы не готовы. Как говорят, самый опасный человек — это не тот, кто целится в тебя, а тот, кто заставил тебя поверить, что он — жертва. Ведь правда, как и люди, редко бывает такой, какой мы хотим её видеть.

Глава 1

4 июля 2024 года. Баку плавился. Плотный, асфальтовый жар не на жизнь, а на смерть боролся с порывами хазри, но ветер лишь гонял по улицам раскаленный воздух. Нурай выползла из кофейни, мечтая содрать с себя прилипшую к лопаткам форменную рубашку. В горле першило от кофейной пыли, а от шлейфа пережаренной арабики, въевшегося в кожу, к горлу подступала тошнота.

Дома её встретила густая, застоявшаяся темнота. В косых лучах закатного солнца, пробивавшихся сквозь шторы, лениво кружилась пыль. Она сбросила кеды, стянула одежду и рухнула на кровать. Сон навалился мгновенно — душный и безвыходный.

Следующее утро началось в спешке. Сборы в село всегда напоминали переезда. Нурай заметалась по комнате, запихивая в дорожную сумку майки и тяжелый том «Капиталиста». Она как раз застегивала молнию, когда в прихожей раздался звук.

Тонкий. Металлический. Издевательский скрежет.

Пальцы Нурай замерли на замке сумки. Сердце сделало глухой, тяжелый толчок где-то в горле. В замочной скважине копошились. Кто-то орудовал отмычкой — быстро, уверенно, профессионально. Сухой щелчок. Второй. Стальные ригели с едва слышным вздохом ушли в пазы. Дверь поползла внутрь квартиры — бесшумно, будто петли загодя смазали маслом.

У Нурай перехватило дыхание. Она точно помнила, как вчера повернула ключ на два оборота. Два чертовых оборота.

— Мама слышишь?.. — сиплый шепот застрял в сухой глотке.

Ответом была тишина. На пороге стоял мужчина. Высокий, затянутый во все черное, несмотря на бакинский зной. Глаза скрывали непроницаемые угольные очки. Вместо его лица Нурай увидела лишь два собственных отражения — испуганный силуэт с растрепанными волосами цвета перебродившего вина.

Она начала пятиться, пока не врезалась лопатками в стену. Левая рука вслепую зашарила по комоду. Пальцы, покрытые вязью черных татуировок от запястий до костяшек, хватали воздух, натыкались на квитанции, мелочь, карандаши... Ничего, чем можно ударить.

— Кто ты? — вытолкнула она из себя.

Незнакомец переступил порог. Медленно, словно хозяин, вернувшийся домой.

— Неважно, кто я, Нурай, — его голос был тихим, лишенным каких-либо эмоций. — Тебя ищут те же люди, что и меня. Я знаю, кто ты на самом деле.

Стены комнаты будто сдвинулись, сжимая пространство до размеров гроба. Он знает. Мужчина сделал еще шаг, полностью перекрывая единственный выход.

Бежать некуда. Драться врукопашную с парнем, который превосходит её по весу вдвое — самоубийство. Паника едва не парализовала Нурай, но мозг, привыкший выживать, выдал единственное безумное решение. Усыпить его бдительность. Заставить наклониться.

Секунда — и она позволила своим коленям подкоситься. Тело обмякло, с глухим стоном оседая на паркет. Она завалилась набок, контролируя, чтобы голова мягко коснулась пола, и приоткрыла рот. Главное — не дышать слишком часто. Главное — заставить его поверить, что она сломалась от страха.

Глава 2

Завтрашний отпуск в Набрани ждали целый год, поэтому сборы превратились в стихийное бедствие. Из кухни доносился сорванный голос Гюляр, пытавшейся перекрыть грохот упавшей в прихожей вешалки:

— Они пакут всё подряд! Мехрибан, мы едем на две недели, а вещей набрали, будто навсегда уезжаем!

Из телефонного динамика, захлебываясь, доносился смех подруги:

— Ой, Гюли, у нас то же самое. Эмира пытается запихнуть в чемодан всю свою коллекцию настолок. Ладно, давай завтра ровно в восемь на автовокзале. Без опозданий!

Естественно, они опоздали. Утром младшую, Сабину, было не добудиться — она мычала и зарывалась глубже в подушки.

— Сабина, вставай! — в третий раз приказала Айдан, сдергивая с неё одеяло. — Мы идём!

— Что?! — Сабина подскочила, запутавшись в простынях, с дикими глазами. — Уже встаю!

На автовокзал они примчались взмыленные, соскальзывая пальцами с ручек тяжелых сумок. Пока Мехрибан пробивалась к кассам, девчонки сбились в кучку, наперебой делясь планами. Мехрибан вернулась, победно размахивая зажатými в кулаке бумажками:

— Представляете? Ровно пять последних билетов! Нам чертовски везет.

«Везение» пахло раскаленным бензином, старым кожаном и чужим потом. Старый ПАЗик, где кондиционер отсутствовал как вид, встретил их удушливой баней. Пятерка заняла весь задний ряд. Окна заклинило намертво, воздух в салоне застыл, а пассажиры ожесточенно обмахивались чем могли. Чтобы хоть как-то отвлечься, Айдан сорвала из журнала лист, сложила в цилиндр, и с царственным видом повернулась к сестре и Эмире:

— Я — фараонша. А вы — мои рабыни. Будете вести себя хорошо, подниму зарплату.

— Первый раз вижу фараоншу в пропотевшей майке, которая раздает короны слугам, — хмыкнула Эмира. — А твоя корона где?

— Моя корона настолько великолепна, что её видят только избранные, — парировала Айдан, обмахиваясь ладонью.

За глупыми шутками долгая дорога сквозь плотные, подступающие к самому асфальту леса пролетела быстрее. К полудню ПАЗик, тяжело выдохнув облако гари, затормозил в Набрани.

Здесь пахло раем. Густой, влажный воздух мешался с ароматом хвоей и близкого моря, а в кронах вековых деревьев оглушительной стеной, заглушая мысли, стрекотали цикады. Как-то дотащив сумки до коттеджа на опушке, они наскоро переоделись. Обеденное время в санатории они пропустили, поэтому без долгих споров отправились в придорожное кафе напротив лесного массива — это была их старая семейная традиция.

Они заняли столик у самого края веранды, подставляя лица спасительному сквозняку.

— Посмотрите на себя, красавицы, — выдохнула Мехрибан, с теплой улыбкой разглядывая повзрослевших девочек. — Экзамены позади. Вы заслужили этот отдых.

— Мехрибан права, — улыбнулась Гюляр. — Мы все его...

Фразу срезал дикий, раздражающий барабанные перепонки визг тормозов. Мехрибан дернулась, и вилка с металлическим стуком покати́лась по полу.

Серый седан на бешеной скорости вылетел с трассы. В следующую секунду раздался оглушительный треск ломающихся деревьев. Машина буквально прорубила просеку в густом кустарнике, сминая капот, и со скрежетом металла замерла всего в десятке метров от их веранды. Из-под деформированного капота с шипением рванул густой сизый дым.

Кафе мгновенно утонуло в криках. Мужчины за соседними столиками повскакали, опрокидывая стулья, кто-то уже орал в трубку телефона: «Авария на въезде! Скорую!». Айдан намертво зажала уши ладонями. Сабина сжалась в комок, втискиваясь в пластиковый стул.

Несколько очевидцев подлетели к разбитому автомобилю, дергая заклинившую пассажирскую дверь. Металл поддался с жутким, свистящим хрустом. Из задымленного салона, кашляя и спотыкаясь, вывалилась девушка. Ее лицо было бледным, как полотно, левое плечо висело как плоть, а взгляд был безумным. Эмира завороченно уставилась на ее растрепанные волосы странного, винного оттенка и тонкие руки, сплошь покрытые татуировками.

Люди тянули к ней руки, что-то кричали, но девушка отшатнулась от них. Хрипло, со свистом хватая ртом воздух, она резко развернулась и, припадая на одну ногу, скрылась в густой зелени леса.

В ту же секунду с водительской стороны скрежетнула дверь. Из нее выбрался высокий мужчина в черном. На месте его солнцезащитных очков остались лишь осколки, вонзившиеся в бровь, по лицу хлестала густая кровь. Он сделал шаг вслед за беглянкой, но поврежденное колено подкосилось. С глухим рыком он опустился на разбитый капот. Его рука скользнула под куртку — туда, где угадывались тяжелые контуры кобуры, — но он вовремя остановился, заметив толпу. Вместо этого его тяжелый взгляд скользнул по веранде кафе, на секунду замер на застывших от ужаса девчонках, а затем переместился на темную чашу, где только что скрылась Нурай.

Вдалеке, пробивая стрекот цикад, взвыли первые сирены.

— Девочки, уходим. Живо! — Гюляр мертвой хваткой вцепилась в запястье Сабины, её пальцы дрожали. — Быстро встали и пошли.

— Кто они такие? — Айдан не могла оторвать глаз от окровавленного мужчины, который уже доставал из-за пояса что-то темное и тяжелое.

— Я сказала — домой! — прикрикнула Мехрибан так, что спорить никто не посмел.

Они почти бежали по тропинке к своему коттеджу, спиной ощущая чужой, тяжелый взгляд. Всю дорогу девочки испуганно перешептывались, сбивая дыхание: почему машина неслась как безумная? Кого так смертельно испугалась татуированная девчонка? И самое главное — почему мужчина в черном смотрел на лес так, будто собирался его сжечь?

Глава 3

Нурай бежала наугад, продираясь сквозь колючую стену кустарника. Горло жгло огнем, легкие, казалось, вот-вот лопнут от нехватки кислорода, а ноги вязли в жирном лесном перегное. Набраньский лес обрушился на нее душной, сырой стеной. Ветки дикой ежевики безжалостно полосовали спину и плечи, оставляя горящие царапины. Ей казалось, что хруст сучьев позади — это его шаги. Что этот человек в черном сейчас вывалится из-за ближайшего бука.

Когда колени начали подгибаться от усталости, Нурай замерла, хватая ртом влажный воздух. Ладони судорожно зашарили по карманам джинсов. Пусто.

Телефона не было. Вылетел из кармана, когда серый седан на полной скорости протаранил деревья.

В ушах зашумело. Одна. Без связи. В чужом, глухом лесу, где за каждым деревом мерещилась тень преследователя. Нурай попыталась успокоить взбесившийся пульс и пойти обратно, на едва слышный гул трассы, но заросли становились только плотнее. Воздух здесь застыл, пахло гнилой древесиной и мокрым папоротником. Через полчаса безумного кружения она уперлась кроссовком в тот же самый поваленный тополь, покрытый изумрудным мхом. Она топталась на одном месте.

— Это чертов лабиринт... — сорвалось с потрескавшихся губ.

Нурай сползла спиной по шершавому, влажному стволу. Спазм стиснул горло так, что стало трудно дышать. Лес медленно переваривал её.

В местном отделении полиции Набрани время будто остановилось. Кондиционер на стене лишь натужно гудел, выплевывая порции теплой сырости. Следователь — грузный мужчина с расстегнутым воротом форменной рубашки — лениво перелистывал пустую папку, то и дело скашивая глаза на парня напротив.

Из паспорта, брошенного на заляпанный стол, смотрело аккуратное фото: Мурад, 27 лет, прописка бакинская. Живой Мурад выглядел куда опаснее своего бумажного двойника: рассеченная бровь заплыла бордовой коркой, на щеке подсыхали полосы темной крови, а взгляд карих глаз оставался тяжелым, давящим.

— Значит, ехала добровольно, Мурад-муаллим? — следователь мерно постучал копеечной ручкой по краю стола. С его лба скатилась крупная капля пота, исчезая в воротнике.

— Добровольно.

— Свидетели в кафе говорят другое. Девчонка рванула в чашу так, словно за ней черти гнались. Если у вас все мирно, с чего так?

Мурад даже не повел бровью. Напряжение выдавали только побелевшие костяшки пальцев, сжатых в замок.

— От удара вылетели подушки, салон затянуло дымом. Она решила, что бензобак сейчас взорвется, и побежала в шоке. У неё панические атаки.

Полицейский лениво усмехнулся, откинувшись на спинку стула, который жалобно скрипнул под его весом:

— Сказки мне не рассказывай, парень. Мне один звонок сделать — и тебя оформят за похищение. И просидишь ты в обезьяннике до понедельника, пока начальство из Хачмаза не приедет. Оно тебе надо? И мне лишняя писанина в такую жару ни к чему.

Мурад остался неподвижен. Он медленно запустил руку в нагрудный карман, выудил оттуда старый, со сбитыми уголками снимок и двумя пальцами пододвинул его следователю. На фото семилетний давности трое студентов смеялись, обнимаясь на фоне Каспия.

— Посмотрите сами. Мы знакомы еще с университета. Обычная семейная ссора, которая из-за моей невнимательности закончилась кюветом.

Следователь прищурился, поднося снимок ближе к лицу:

— Хм... Похожа. Но свидетели четко описали: у беглянки волосы винного цвета и руки в наколках до самых пальцев.

— Фотографии четыре года, начальник, — голос Мурада звучал усыпляюще. — Тогда она еще не забила руки чернилами и не красилась в этот дикий цвет. Сами знаете, как девчонки меняются. Связалась не с теми людьми, теперь чудит. Я найду её сам, успокою и увезу в Баку к родителям. Обещаю, шума не будет.

Мурад потянулся к столу, раскрыл свой паспорт и аккуратно скользнул под плотную обложку плотным, сложенным вчетверо конвертом. Желтоватый край купюры едва заметно мазнул по полированному дереву.

Следователь замер. Его взгляд на долю секунды опустился на паспорт, буквально взвешивая толщину конверта. Затем широкая, потная ладонь накрыла документ, бесшумно притягивая его к краю стола.

— Ладно... — капитан откашлялся, пряча деньги в ящик. — Следов борьбы в машине эксперт не нашел. Заявлений от родственников нет. Спишем на лопнувшее колесо. Свободен.

Мурад забрал пустой паспорт, вышел на деревянное крыльцо участка и сделал глубокий вдох. По лицу прошла судорога, желваки заходили ходуном. Идиоты. Продажные кретины.

Если бы этот мент знал, какая игра разворачивается у него под носом. Как ему объяснить, что Нурай — это ключ, который ищет «Карабаш»? Одно лишнее движение местной полиции — и люди синдиката пустят пулю в затылок и девчонке, и самому следователю, и любому, кто окажется в радиусе километра.

Мурад вспомнил, как за секунду до вылета с трассы педаль тормоза мягко, без малейшего сопротивления ушла в пол. Это была не случайность и не лопнувшее колесо. Хладнокровный, хирургический почерк «Карабашей». Они вели их от самого Баку. И если он не вытащит эту девчонку из леса в ближайшие пару часов, люди Карабаша закончат то, что начали.

Глава 4

В санатории жизнь лениво катилась своим чередом. На освещенной веранде Эмира и Айдан, активно жестикулируя, в десятый раз пересказывали заинтригованным дачникам подробности дневной аварии. Сабина сидела чуть поодаль, бездумно крутя в пальцах заблокированный телефон — её мозг просто отказывался склеивать картинку мирного отпуска и окровавленного лица водителя. Их матери устроились на скамейке в густой тени платанов, тихо обсуждая планы на завтра.

А в паре километров от них, в самом сердце набраньской чащи, стремительно сгущался мрак.

Солнечные лучи ушли, оставив вместо себя тяжелые, черные силуэты деревьев. Нурай сидела, сжавшись в комок между массивными корнями старого дуба. Глаза жгло от выплаканных слез, горло пересохло. Мысли путались: как сейчас мама? Ищет ли её кто-нибудь?

Холод пробирался под легкую одежду. В темноте лес ожил: шуршала палая листва, где-то надрывно скрипели стволы, шелкали ночные насекомые. Нурай попыталась крикнуть, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сиплый, жалкий хрип, который тут же заглушил ветер. Силы окончательно оставили её. Ткнувшись лбом в холодные колени, она впала в глубокое, забытьё.

Ей снился Баку. Навык ворваться в привычную рутину: она идет на смену в кофейню. Под ногами на сером асфальте валяются игральные карты. Нурай замерла, понимая, что наступила на пикового туза — черное, перевернутое сердце. Чуть дальше, на скамейке, лежал журнал с кричащим заголовком: «In Your Face». Тревога липкой волной подкатила к горлу, и во сне Нурай свернула во двор, меняя маршрут.

Новый путь вел через странный сквер. Там не было людей, а по бокам росли слишком яркие, ядовито-желтые цветы. Нурай коснулась лепестков, отчаянно нуждаясь в чем-то живом, и замерла: тонкие татуированные ветви на её запястье вдруг зашевелились, переплетаясь с бутонами.

Волосы на голове встали дыбом, по коже побежали дикие мурашки. Земля ушла из-под ног. Она медленно, плавно поплыла вверх, отрываясь от асфальта. Из глаз по щекам покатились горячие капли крови, но вместо ужаса она внезапно ощутила дикую, пьянящую свободу...

Нурай резко открыла глаза. Три часа ночи. В горле пересохло так, что больно было глотать. Лес затопил бледный, густой туман, пахнувший сыростью и гнилью. Дрожа от пронизывающего холода, она поднялась на затекших ногах и вдруг замерла.

Сквозь глухую ночную тишину пробивался новый звук. Сначала — как шуршание бумаги, но с каждым шагом он становился отчетливее. Живое, тяжелое журчание воды.

Продираясь сквозь колючие кусты, царапая руки, Нурай вышла на небольшую поляну и обомлела. Перед ней с каменного уступа срывался глухой поток — лесная река. В темноте вода казалась маслянистой, густо-изумрудной, а брызги ловили редкий лунный свет, рассыпаясь тусклыми искрами. Это место казалось нереальным, зловещим миражом посреди глухой чащи. На секунду паника отступила, сменившись гипнотическим оцепенением.

— Я тебя искал, — раздался из темноты тихий голос.

Нурай испуганно вскрикнула и шарахнулась назад, едва не сорвавшись в воду. Из тени деревьев вышел он. Тот самый мужчина из машины. Мурад. На его лице, подсвеченном луной, выделялась темная корка запекшейся крови.

— Назад! Не подходи! — Нурай завертела головой, пытаясь к скользкому обрыву. Пальцы судорожно скрючились, пытаясь нащупать на земле хоть какой-то обломок ветки или камень.

— Тихо, — Мурад сделал резкий выпад вперед. Прежде чем она успела закричать, его железные пальцы сомкнулись на ее плечах, удерживая на самом краю. От него пахло бензином, гарью и запекшейся кровью. — Хватит бегать. Если бы я хотел убить тебя, я бы оставил тебя в машине. Или отдал «Карабашам». Нам нельзя здесь оставаться. За мной.

Он рванул замок своей плотной черной ветровки, быстро стянул её и силой набросил на ее ледяные, дрожащие плечи. Нурай попыталась вырваться, сбросить чужую вещь, но колени окончательно предательски подкосились. Силы вытекли из нее без остатка. Горло сдавило спазмом, и вместо крика вырвался лишь жалкий всхлип. Она поняла, что просто не сделает больше ни шагу сама.

— Куда... — хрипло вытолкнула она.

— Туда, где нас не найдут до рассвета. Иди.

Ноги ее подкосились, и она послушно пошла следом.

Оставшуюся часть ночи они провели в полуразрушенном охотничьем домике, глубоко в чаще. Обугленные стены, щели шириной в палец и провалившаяся крыша — но здесь хотя бы не было ветра.

Мурад так и не спал. Он устроился на полу у самого входа, спиной к проему. На его коленях лежал тяжелый пистолет, к которому он то и дело прикасался пальцами, вслушиваясь в каждый шорох туманного леса. Нурай устроилась на гнилом матрасе в углу. Глядя сквозь дыру в потолке на бледные звезды, она слушала его тяжелое, ровное дыхание. Как ни странно, именно этот звук и вид оружия в его руке давали ей призрачное чувство безопасности. Под утро она наконец закрыла глаза.

Глава 5

Айдан шумно зевнула, потянулась всем телом и толкнула деревянные ставни. Плотный ночной туман над холмами Набрани уже таял, неохотно уступая место тяжелому, душному июльскому солнцу. Из кухни потянуло густым ароматом свежесваренного чая с чабрецом и поджаренным хлебом.

На веранде коттеджа Сабина лениво перелистывала глянцевые страницы старого журнала, а Эмира с глухим, деревянным стуком расставляла на столике шахматные фигуры.

— Пойдем днём на озеро? Тут вроде близко, — предложила Сабина, не поднимая глаз.

— Можно, — отозвалась из кухни Гюляр, звякнув посудой. — Только кепки наденьте, солнце с утра жарит ненормально.

В паре сотен метров от них, на стойке регистрации санатория, воздух был пропитан едкой хлоркой и дешевым мятным освежителем. Пожилая администраторша в массивных очках с толстыми линзами шлепнула на стойку две серые карточки анкет.

— Фамилии? — буркнула она, не поднимая глаз от мерцающего экрана пузатого компьютера.

— Мурадов Мурад. И Нурай Джафарова, — Мурад спокойно выложил на пластик два паспорта. Те самые, что он достал три часа назад из неприметного пластикового контейнера, прикопанного у подножия старой сосны на опушке леса. Вместе с чистой одеждой и пачкой наличных этот схрон ждал своего часа два года.

На Мураде была кричаще-яркая гавайская футболка со шлёпанцами, но этот образ туриста намертво разбивался о свежий запекшийся шрам на брови. Нурай прятала глаза за огромными темными очками, натянув рукава чужой кофты до самых костяшек. В холле зазвонил старый дисковый телефон. Нурай вздрогнула, её пальцы так ожесточенно вдавились в ремешок сумки, что ногти побелели. Только бы не полиция. Только бы не они.

Администраторша, не переставая жевать жвачку, лениво сняла трубку, гаркнула кому-то: «Габиль, сантехника пришли в шестой!» — и швырнула трубку обратно. Затем одним пальцем вбила данные документов в базу, выдала ключи и сладко зевнула, обнажив золотые зубы:

— Двенадцатый коттедж. Идите прямо по дорожке, у самого леса. Завтрак с восьми до десяти. Следующий!

Дверь двенадцатого коттеджа закрылась за ними с коротким, тяжелым щелчком замка. Внутри было прохладно, пахло старым деревом и сыростью. Обычный домик: две смежные комнаты, крохотная душевая.

Мурад бросил сумку на пол и обернулся к девушке.

— Можешь занять дальнюю комнату.

— Кто ты такой? — напряжение, которое Нурай сдерживала на ресепшене, наконец прорвалось наружу.

Голос дрожал. — Что это за место? Где мой телефон?

Мурад молча положил ключи на тумбочку.

— Это временно. Для твоей же безопасности.

— Безопасности?! — Нурай шагнула к нему, сжимая кулаки. — Ты похитил меня! Что тебе нужно? Деньги?

Мурад посмотрел на неё сверху вниз — медленным, пугающе спокойным взглядом человека, который не спал двое суток.

— Перестань орать. Стены тонкие, — отрезал он тихим, жестким шепотом. — Если бы не я, твои куски сейчас собирали бы по трассе.

Нурай упрямо вскинула подбородок, хотя сердце бешено колотилось в груди. — Кто меня ищет?

— Пока тебе этого знать не нужно. Меньше знаешь — чище врешь.

— Я не собираюсь сидеть здесь как заключенная! — Нурай отступила на шаг, чувствуя, как стены маленькой комнаты давят на неё. — Я имею право знать, во что меня втянули!

Мурад вздохнул, устало потер переносицу и тихо произнес:

— Моё имя тебе ничего не скажет. Но меня знают как Тень. Если тебе это о чем-то говорит.

Нурай замерла.

— И я должна доверять... Тени? — её губы искривились в слабой, горькой попытке усмехнуться.

— Мне плевать на твое доверие, — Мурад шагнул к своей комнате и взялся за ручку двери. — Я просто выполняю свой долг. А ты можешь делать что хочешь. Но если сделаешь шаг за порог — тебя снимут еще на аллее. Выбирай.

Дверь его комнаты захлопнулась, оставив Нурай в тишине.

Оставшись одна, Нурай без сил опустилась на мягкий матрас и обхватила голову руками. Ни связи, ни ответов. Только пугающая тишина и незнакомец в соседней комнате, утверждающий что спасает её.

Глава 6

Кабинет подполковника тонул в полумраке, разрезаемом лишь мертвенно-синим свечением монитора. Чингиз Гасанов сидел, намертво уперев тяжелые кулаки в подбородок, перед развалом пожелтевших архивных папок. Чуть в стороне, примостившись на краю заваленного рапортами стола, замерла его дочь Мерьем. Официально в управлении она числилась криминальным психологом, но для Чингиза давно стала единственным напарником, способным разглядеть живую трагедию там, где ведомственные формулировки глухо молчали.

Уголовное дело №459. Рейс Баку—Стамбул. Седьмой год пошел с тех пор, как этот борт рухнул в пригороде, неподалеку от Маштага. Для города та катастрофа осталась архивным сюжетом из вечерних новостей, для них двоих — выжженной землей. На сорок втором ряду того самолета летела Азиза. Жена Чингиза и мать Мерьем.

На пробковой доске за спиной подполковника на тонких булавках висели зернистые снимки из материалов следствия: развороченный, закопченный борт фюзеляжа и два соседних иллюминатора, покрытых идентичной, паучьей сеткой трещин.

— Комиссия тогда списала всё на усталость металла, — Чингиз заговорил, не поднимая головы, его палец машинально крутил натертое до блеска обручальное кольцо. — Взрывная разгерметизация на стыке рядов 41А и 42А. Высота — две тысячи триста сорок два метра, самолет только закончил разворот над Каспием. В акте написано: смерть мгновенная, от баротравмы.

Мерьем подалась вперед, и синий свет монитора заострил ее черты. Она резко придвинула к себе клавиатуру.

— Дело закрыли под предлогом того, чтобы не срывать международный контракт АЗАЛ. Но посмотри на характер повреждений. Нас заставили проглотить ложь, как жертвы проглотили осколки стекла.

Она щелкнула мышкой, выведя на экран свежий стоп-кадр с дорожной камеры наведения. Картинка была смазанной, но силуэт женщины на пассажирском сидении просматривался четко.

— А вот это прислали из базы ДПС Набрани два часа назад. Машина пролетела под камерой за час до того, как вылететь в кювет. Папа, смотри на лицо. Это Сара Гасимова.

Чингиз медленно поднял глаза на монитор. Взгляд подполковника стал жестким.

— Гасимова летела на сорок первом ряду. Она семь лет числится в списке погибших. Её похоронили в Ясамальском кладбище.

Мерьем резко встала, скрестив руки на груди.

— Дело засекретили не ради репутации авиакомпания. Кто-то просто стер живого человека из системы, спрятав концы в общую могилу. И если Сара Гасимова сейчас всплыла в Набрани под чужим именем, значит, весь этот список жертв...

— ...это список тех, кого зачистили, и тех, кому помогли исчезнуть, — закончил за неё Чингиз.

Мерьем решительно захлопнула ноутбук.

— Объявлять перехват через управление нельзя, папа. У «Карабашей» везде свои уши, если это их рук дело — они узнают первыми. Нам нужно найти эту покойницу до того, как те, кто нажал кнопку «удалить» семь лет назад, придут исправлять свою ошибку.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.